

Танец солнечных зайчиков

Ангелина Никулина

Ангелина Никулина
Танец солнечных зайчиков

«Автор»

2023

Никулина А.

Танец солнечных зайчиков / А. Никулина — «Автор», 2023

Иван Андреевич Гостомыслов - уныло проживающий свою жизнь мужчина. У него есть любимая или, лучше сказать, "привычная" женщина, нестабильный заработок, скучная однушка и хороший друг. Но весь его быт пропитали обыденность, скука и тоска. И однажды Иван Андреевич встречает удивительную девушку с красивым именем и умением преобразать всё вокруг себя. Но возможно ли счастье там, где несчастен другой? И что такое - настоящая любовь? Кто на нее способен?

© Никулина А., 2023

© Автор, 2023

Ангелина Никулина

Танец солнечных зайчиков

Вместо предисловия

Меня зовут Ангелина Никулина. Я писатель по призванию. Одно из первых эссе о березе, написанное мной в третьем классе, было опубликовано в казахстанском школьном журнале «Верблюжонок». Моя учительница тогда сказала, что эссе взяли за одно только сравнение ствола березы с окрасом собаки породы далматинец. Я удивилась. Ну что в этом такого? У меня и грязный снег – это мороженое с шоколадной крошкой, и фонари в тумане – все сплошь маяки. Писательство – это тоже мой маяк. Просто нужно было дожить до 32 лет, чтобы, наконец, направить к нему свой корабль с курсом «полный вперед!». Направить также легко, как был написан этот роман. Я работала библиотекарем и писала строчку за строчкой, главу за главой в обеденные перерывы на доисторическом компьютере без интернета. Я писала его с легким наслаждением, приятным переживанием, которое хочу подарить читателю.

Пусть Лия вам понравится, а Иван Андреевич вызовет те самые противоречивые чувства. Лиза? Лиза, быть может, останется загадкой для вас, простой и мудрой, а может быть глупой до невозможности? Пусть этот роман о внезапной влюбленности поглотит вас на все пятьдесят страниц и мягко коснется вашего сердца.

Ну что, мой дорогой читатель, полный вперед?

1

Все стало серым. Поблекла некогда цветущая, пылающая улица со всем своим зеленым пестрым шармом, вымерли яркие юбочки, топы. Вот за окном ветер осторожно треплет кроны, беспрестанно цепляя их, будто заигрывает. И разной, хмурой вереницей по тротуару идут прохожие. Вид у них сонный и вялый. Более бойким солдатским рядком по подоконнику шествует бригада желтых муравьев. У некоторых из них на спинке виднеется крохотная белая бусинка. Муравьи работают слаженно, безостановочно. Иван Андреевич осторожно отодвинул трех штучек и поставил указательный палец, преграждая путь малюткам. Около пальца Ивана Андреевича началась паника. Позабавившись с минуту над растерянными муравьями, Иван Андреевич убрал свою преграду, и насекомые успокоились, выровнялись и снова зашагали плывущим рядком.

Иван Андреевич вздохнул, весь день у него кружится голова, одолевает слабость и усталость. Может, Лиза права? Это от безделья? Но что поделать, у Ивана Андреевича не получается задерживаться на одном месте. Из типографии его уволили, в «Печатном дворе» не сошлись характером с директором, в газетах он начинает чувствовать себя расхлябанно, и от этого пишет невнимательно, «слишком по- своему» – деликатно заметил редактор «Вечернего времени».

Когда- то Иван Андреевич преподавал географию, но сейчас знания позабылись, а диплом нужно восстанавливать. После очередной ссоры с Лизой он выбросил его и блокнот со стихами с вокзального моста. Все это мигом оказалось под товарным поездом, что набирал скорость на путях. Потом с Лизой они нашли несколько страниц с блокнота с парочкой несильных стихов и правый форзац злополучного диплома. Но это было уже давно, и ссоры с Лизой приобрели крайне спокойный характер – это были разговоры за чаем на полутемной кухне, на балконе в клубах сигаретного дыма, на скамейке в парке. И все их дебаты состояли в словесном соревновании – кому удастся уколоть острее, и так легко и свободно, будто ввели холодную скальпельную спицу в сердце. Все это Иван Андреевич знал, но страстно любил спорить с Лизой, а потом мириться. Потрясающая пора.

Ветер не переставал, стал еще настырнее: подвывал в щели, вздымал застиранную занавеску, с прохожих сносил шляпы, донимал женщин в платьях-колокольчиках.

Вдруг, между двух каштанов, по-барски разваливших кроны над дорогой, ведущей во двор, промелькнула тонкая женская фигурка в таком точно платье-колокольчике ярко-алого цвета. Это платье так встрепенуло всю улицу, будто на мгновение сюда вернулся июль. Девушка шла сказочно мягко и совсем не думала держать подол, под который то и дело норовил ворваться ветер. Платье ее развевалось как воздушный цветок, совершенно целомудренно и ловко. Еще несколько шагов, и Иван Андреевич смог услышать цокот ее тоненьких каблучков, разглядеть мягкие, нежные черты лица. Каштановые волосы были собраны по погоде – в учительский высокий пучок, а темные глазки стреляли по окошкам, словно искали чье-то лицо или зажженный свет. Взглянув на эту девушку, прохожий мог бы сразу определить, что она счастлива. Все ее движения, ее осанка, ненапряженные скулы и прелестные маленький ротик говорили о внутреннем женском покое, абсолютной удовлетворенности жизнью. Она была красива, легка, еще молода и мечтательна. Иван Андреевич проводил ее грустным взглядом до третьего подъезда, но с зажженным алым огоньком в сердце. Ему самому захотелось вот так выйти на улицу, так вдохнуть, так искать по улицам чье-то лицо или зажженный свет...

И вдруг Иван Андреевич явственно ощутил горечь от мысли, что больше он эту красавицу не увидит никогда в жизни. Стало тоскливо. И тогда он решил, что непременно дождет ее у окна. Шел четвертый час дня, она, наверняка, пришла в гости к своей подруге и скоро выйдет вновь.

Но девушка не вышла. Не вышла ни в шесть часов, ни с сумерками, ни с синим глухим вечером, когда на улице стихло, и многоглазые дома во дворе не засияли по-кошачьи разноцветными мерцающими огоньками. Иван Андреевич подумал, что он мог ее пропустить, когда отвлекался на чай с сушками, чтение пары статей в газете, а еще (он чуть не забыл) звонила Лиза, и они проговорили около десяти минут. Она сказала, что придет сегодня вечером, приготовит что-нибудь быстрое и несложное, и что она, наконец, купила отраву для муравьев.

Иван Андреевич решил поработать. Так он в последнее время называл то одухотворенное времяпрепровождение на кухне с сигаретой, чаем в граненом стакане и с кипой пожелтевшей бумаги перед носом. Он писал стихи по-пушкински, выводя какие-то пирамиды на полях, упираясь глазами в одну точку на кухне. Точкой раздумий ему служил гвоздь от когда-то оставившихся часов, которым не удосужились поменять батарейку. Лиза тогда не позвонила и не сказала, что мол, она, наконец, купила пальчиковые – две штуки. Признаться, редко, но метко у него выходили интересные стихи, он не был талантливым поэтом. Некоторые опусы оценивали друзья за пятничными посиделками. И оценивала Лиза, обвивая его горячую шею своими теплыми руками, но особо ничего не говорила, а все лирические образы воспринимала на свой счет, иногда даже не вникая в смысл стихотворения. И от этого даже гражданскую лирику она воспринимала, да, на свой счет. Сначала Ивана Андреевича это страшно раздражало, но позже он привык мириться и с этой ее чертой.

В замочной скважине повернулся ключ, зашелестели пакеты. Это Лиза. Она возвращалась поздно, распустив последнюю вечернюю смену.

– Ваня, ты снова куришь в квартире? – раздраженно произнесла она и тяжело вздохнула.

Иван Андреевич слышал как на пол упали ее туфли. Она всегда снимала их, нервно держа лодыжкой и держась за стену.

– Боже, если ты умрешь от старости раньше, чем от рака легких, то это будет чудо! – произнесла она в своей обычной манере училки русского языка: все со всем сравнивать, добавлять эти «если бы», «пожалуй», «отнюдь», во всем находить какие – то аллюзии, сплошные тропы. Опять же из разряда «как уколоть поострее».

Лиза шумела водой в ванне, Иван Андреевич подобрал в коридоре пакеты и стал раскладывать продукты в холодильник, не разбирая, все ли туда положено класть. Лиза появилась

перед ним в своей любимой желтой блузке, ворот которой, казалось, сейчас сдавит Лизину шею. Она прислонилась к стене, скрестив по своему обыкновению ноги, которые обтягивала серая длинная юбка-карандаш.

– Как прошел день? – спросил Иван Андреевич, открывая бутылку кефира.

– Нормально. Как всегда. Хотя, как-то уныло. Я приготовлю тебе что-нибудь, но не остаюсь. У меня собой стопка тетрадей, нужно проверить до завтра.

– Можешь проверять здесь.

– Здесь как в курилке архитектурного института, Ваня... – сказала она и опустила зеленые глаза в желтые листы с его пирамидами и каркулями.

Он улыбнулся, подошел к Лизе и нежно поцеловал прядку ее волос у виска.

– Попробовал бы отнести что-нибудь в свое любимое «Вечернее время», Гостомыслов, глядишь и договорился бы о гонораре...

– На стихах сейчас не заработать.

– А ты пробовал?

Быть может, Лиза была из тех людей, которые верят в деньги из воздуха? Спустя час в небольшой однокомнатной квартире Ивана Андреевича пахло едой, уютно сопел чайник. Лиза накинула на пытящую кастрюлю полотенце, наскоро вымыла посуду, сняла фартук и бросилась в коридор.

– Уже?

– Лимонное драже! – передразнила Лиза, – я предупреждала.

И она исчезла. Лиза – очень мудрая женщина. Когда она чувствовала, что дело близится к скандалу, она всегда исчезала. Вялая, гнетущая обстановка в квартире Ивана Андреевича Гостомыслова прекрасно располагала к какому-нибудь неприятному разговору, в итоге которого они бы неизменно пришли к восьми нелепым годам их отношений, этой фатальной безработице Ивана Андреевича, как к бешеному глупому диагнозу, а после Лиза стала бы забрасывать его очередными словесными пируэтами с привлечением психологии и даже эзотерики.

Гостомыслов выдохнул, посмотрел, как после хлопка дверью качается из стороны в сторону колечко от ключа в скважине, а потом секунду подумал и всунул ноги в легкие мокасины. Оказавшись на улице, в городской вечерней кутерьме из огней, лая собак, разговоров, доносившихся из окон, он побрел по той аллее, по которой сегодня прекрасная незнакомка вошла во двор. На небе сверкали холодными мерцающими огоньками звезды. И как-то странно пахло. «Неужели, уже осенью?» – подумал Иван Андреевич. От земли поднималась испарина, иногда проносилась с легким ветром небольшая прохладца. Иван Андреевич шел не спеша, всунув руки в карманы, и думал о том, что завтра пойдет на поиски работы. Он не ощущал себя сплошным неудачником. Скорее наоборот, залюбленным, разбалованным оборванцем. Ему бы в руки деревянную пастушью дудку, суму, кроссовки прочнее, и он бы пустился в большое плавание. Он почему-то представлял себя в соломенной шляпе, бредущем по обочине дороги, а вокруг пески-пески... О нем бы даже ходила слава, мол, это же Гостомыслов-пропащая душа, этакий дикий Динго с большой дороги. Каждая забегаловка, пропахшая пивом и копченостями, знала бы его лицо, и миловидные, а подчас грубоватые барменши заигрывали бы с ним, радостно взвизгивая, когда бы он делал им одинаковые комплименты. Мысли Ивана Андреевича прервались, он рассмеялся сам в себе. Полная женщина с пакетами вернула его к реальности. Идет, перекачивается справа налево, уставшая, замученная, с такой одышкой, что слышно на другой стороне улицы. О чем он? Тут жизнь вообще-то катится куда-то кубарем, взлетами, прыжками, ползками, а он перекачивается из понедельника в воскресенье как детский попрыгун, и умело прячется за этой якобы непринужденностью, мальчишечьей небрежностью и пародией свободы. Хорош, что ни говори! Даже стыдно стало, что Лиза варит ему суп из своей картошки. Но Лиза – это же друг, что-то в доску свое. Гостомыслов с ужасом понял, что уже очень давно он не называл Лизу где-то внутри, где-то в себе самой любимой

женщиной. Когда же в последний раз? Может, в Новый год? Когда они выпили шампанского и вышли на улицу смотреть фейерверк, а потом принялись кувыркаться в снегу как дети? А может летом, два или три года назад, на даче у Лизиной мамы, когда на них вдруг напала диким зверем страсть прямо во время сбора вишни? И все случилось прям там, как под пальмами на острове. Когда же он просто говорил ей: «люблю». Но говорил же. Точно! Интересно, она это чувствовала? Это обывание? А может Лиза испытывала то же самое по отношению к нему? И если бы лет пять назад он испугался этой мысли и тут же рванул к телефону, чтобы ей набрать. То теперь он только вздохнул, всунул руки в карманы и принялся что-то бубнить под нос, не то стихотворение или песенку. Так он бродил по двору с полчаса, отяжеляя сердце густыми и вязкими как деготь мыслями. Гостомыслов остановился, над ним тихо повисло августовское безоблачное небо. Все это время кто-то мягко и осторожно ступал по его следам. Гостомыслов обернулся и...

...в фонарном свете стояла она. Учительский пучок распустила, на плечи падали тугими густыми прядями каштановые волосы, в глазах замер страх опасности. Маленький рот сжался, а к груди она по-детски прижимала свои босоножки. Иван Андреевич невольно бросил взгляд на ее ноги. Босая – она стояла перед ним и дрожала, опасаясь стучать каблуками за его спиной.

– Я не трону вас, – спокойно ответил Гостомыслов, прислушиваясь как отчего-то забарабанило в бубен сердце.

– Ой... – выдохнула девушка и даже улыбнулась, – ой, вот же я глупая трусиха! Не обращайтесь внимания.

– Может, вас проводить?

– Да нет, я сейчас выйду на свет, вон туда, где проезжая часть, и уже будет не страшно.

– Я провожу до магистрали, и поймаю вам такси.

– Нет, не нужно такси, – запротестовала девушка в красном платье, натягивая на ходу босоножки. А в это время Гостомыслов смотрел прямо ей в лицо и удивлялся, как быстро страх покинул ее, и это прекрасное милое личико вновь все засияло, заискрилось счастьем. В глазах появился блестящий потрясающий огонек, который он видел в глазах Лизы когда-то.

– Вы бродите одна так поздно?

– Так вышло случайно, поверьте...

Гостомыслов улыбнулся ей исподлобья и уперся взглядом в свои мокасины. Дальше они шли молча. Для Ивана Андреевича она уже не казалась такой неземной, какую он увидел в окне. Почему-то вспомнил Есенина: «большое видится на расстоянии». Но все же нечто прекрасное исходило из этих плавных жестов, ровной осанки, легкой походки. Он проводил ее до автобусной остановки, была возможность попасть на последний рейс. Оказавшись внутри синей остановочной коробки, девушка застеснялась, стала собирать прядки за уши, а они непослушно извивались и постоянно выпрыгивали, падали на ее плечи, и Иван Андреевич с удивлением и нежностью замечал, как правый бронзовый локон падал точно в ее глубокую ключичную ямочку, такую, что в нее, верно, можно было поместить куриное яйцо.

– Спасибо вам. А я сначала вас испугалась.

Так страшен?

Девушка улыбнулась и искоса глянула на Гостомыслова. Подъехал автобус, и алое платье ракетой метнулось в пыхтящие отворенные створы.

– Я буду звать вас таежником! Спасибо вам!

И автобус тронулся. Она не помахала ему рукой, а просто осталась стоять в полупустом автобусе, слегка наклонив голову набок.

Вернувшись домой, Иван Андреевич посмотрел в зеркало и даже отпрянул. На него смотрел угрюмый человек, обросший и помятый, волосы сбились в колтун на макушке. На нем была старая кофта, локти которой съехали до кистей, и весь этот образ завершала сигарета, воткнутая за ухо.

Таежник... – улыбнулся Гостомыслов, и пошел в ванную, бриться, – Леший! – крикнул он уже оттуда на всю квартиру и рассмеялся.

2

Утром, в прекрасном расположении духа, Иван Андреевич отправился на поиски работы. Вовсю горланили воробьи у подъезда, а на улицах кружили стрекозы. В этом году их было особенно много. Небо заволкло ватными облачками, они беспорядочно повисали над городом. Иван Андреевич, посвежевший и помолодевший, шел в редакцию «Вечернего времени», где ему должны были заплатить гонорар за парочку заметок с прошлого месяца. На крыльце его встретила высокая, громкоголосая дама, ожидавшая кого-то у входа в редакцию.

– Иван Андреевич, не уж-то ты?

– Наталья, ты как всегда обворожительна! – слукавил Гостомыслов. Суровая и кокетливая корреспондентка всегда ему казалась чересчур вульгарной, гротескной и традиционно намалеванной в боевой макияж с зелеными стрелками. Вот и сейчас в него вперились огромные зеленые глазища в раме лягушачьих теней, в розовых пышных губах она сжимала покусанную ручку.

– Что-то приволок? – улыбаясь, спросила гротескная Наталья.

– Увы, я спешу забрать честно заработанные гроши.

– Хм, тебе повезло. Бухгалтер на месте...

– Отлично!

Оказавшись в прохладном узком помещении, Гостомыслов прошел в самый дальний кабинет, заваленный подшивками и бумагами, кое-как в нем помещался стол и стул с восседавшей на нем скромной и тихой старой девой Ниной Павловной. Она по-дружески осведомилась о здоровье Гостомыслова и Лизы, выдала гонорар, отсчитав купюры новее. Она всегда питала неясную симпатию к молодому (относительно ее) журналисту со слегка анархичными наклонностями.

Гостомыслов выпросил у Нины Павловны свежую газету объявлений, предназначенных для редакции, еще раз подмигнул Наталье на крыльце, и легкой юношеской припрыжкой направился по первому объявлению.

«Все не то!» – со вздохом повторял Иван Андреевич, выходя из разных контор, предлагающих ему разносить почту, сверять бланки, проверять на исправности электролампочки...

Становилось жарко. Он вспомнил о Лизе. Здесь, в этом сквере за разросшимися кустами акации таится тропинка, которая ведет к Лизиной школе. Она, наверняка, если не ведет урок, то мучается над своими планами или заполняет журнал. И Гостомыслов свернул, сдернув со школьной клумбы букетик фиолетовых флоксов.

Лиза же сидела у окна в учительской, нервно качала туфлей. На электрической плитке пыхтел чайник. Молодой и неопытный коллега что-то бурчал под нос, листая учебник по химии. Она плыла в своих туманных, оглушительных мыслях, из-за которых уже несколько дней не могла нормально работать и спать. Все подытоживалось ужасным самочувствием. Восемь лет продолжается эта неясность. Она с ужасом осознавала, что за это время Иван остался тем же равнодушным, отчужденным от общего хода вещей человеком. Она же стала замечать в себе малахольную, грубую, скучную особу, на которую перестали обращать внимание мужчины. Хотя Лиза еще молода, ей тридцать лет только через полгода, у нее еще нет седых волос, явных морщин. Ужасная мысль сменялась твердым убеждением, что она с Гостомысловым ни за что не порвет. Что это? Синдром отличницы! Не делать ошибок, не бросать, быть хорошей? Что скажут друзья? А мама? Нет, мама, наверное, выдохнет с облегчением. Но самое страшное: вдруг она так и останется никому ненужной. Не с кем будет разделить вечер пятницы, постель, некому будет поплакаться в плечо. А Иван, ну это же Иван – седая псевдомудрая рыба из большого переполненного серыми камнями аквариума. Он живет и пишет,

нет- нет, работает, его обожают знакомые – за остроумие, небрежность, всегда шеголеватый презентабельный вид, не считая домашних сутулых и бездельных будней, как вчера, например. Лизе останется только свыкнуться со своим собственным выбором. Она-то это понимала, она – умная и очень удобная женщина. Да, наверное, это взаимоисключающие понятия. Мама говорит, умная женщина не может быть удобной в полном смысле этого слова. Да, Лиза не скандалит, иногда учит жизни, иногда обижается, но в целом, о, она на все закрывает глаза, ко всему спокойная и даже кроткая, и даже... очень ничего, красивая.

– Елизавета Сергеевна, – вычеканил ее имя и отчество молодой педагог химии, оторвавшись от своего учебника, – у вас, кажется, чайник кипит.

– Да, спасибо, Иосиф Вениаминович, спасибо. Задумалась, – Лиза очнулась, сняла с плитки чайник и разлила кипяток по высоким граненым стаканам.

В эту минуту раздался стук в дверь. Химик даже слегка опешил. Высокий мужчина с букетом флоксов стоял на пороге учительской, мягким и в то же время игривым взглядом он смотрел на Лизу. А у нее даже сердце екнуло, как раньше, стоило ей его увидеть, выходящим из-за угла или на пороге своей квартиры. Он давно вот так не делал, не сваливался как снег на голову, еще с цветами.

– Гостомыслов? – Лиза так и осталась с раскаленным чайником в правой руке.

– Я нашел работу! – зачем-то сходу соврал Иван Андреевич. Почему-то в этот момент он захотел сделать Лизе максимально приятно. И по мнению Гостомыслова, эта новость должна была ее обрадовать. Иван Андреевич часто потом не мог объяснить причин своих некоторых поступков. Это был один из тех загадочных для него самого случаев.

Но Лиза либо мастерски скрыла радость, либо совсем не обрадовалась. Она со вздохом поставила чайник на еще горячую плитку, покраснела и со смущением посмотрела на молодого преподавателя, который к этому моменту будто бы безучастно снова всматривался в учебник, причем с еще большим усердием, чем до стука в дверь. Гостомыслов поставил цветы в стаканчик для карандашей и почувствовал неловкость момента.

Лиза направилась к выходу, цокая своими излюбленными каблуками.

– До свиданница... – улыбнулся Гостомыслов химику, и последовал за Лизой.

– Зачем ты пришел? Совсем уже? – неожиданное раздражение набежало грозовой тучей.

– Лимонное драже! – громко, перекрывая шепот Лизы, сказал Гостомыслов и рассмеялся легким шутливым смехом, – захотел сделать тебе приятное? Может, придешь сегодня?

– Не могу, уроки до десяти. Куда ты устроился?

– В одну конторку, буду править тексты.

– Надолго?

– Навсегда, Лис...

– Посмотрим. У тебя с работой сложнее, чем с перчатками...

Они стояли в длинном мрачном коридоре школы, по которому распространялся запах печеного. Столовая готовилась кормить вечно-голодные подростковые рты. Шла середина урока, поэтому здесь царил привычная для этого времени тишина, готовая в любой момент оформить звук круглым воздушным эхом. В учительской послышалась возня, и из нее, надевая легкую ветровку, выскочил молодой химик. Упершись носом в плечо Гостомыслова, он страшно смутился.

– Простите, тороплюсь. Сестра ждет. А, вот она!

– Ёсик! – развела руками девушка, которая как раз завернула в полутемный коридор, пропахший булочками с посыпкой.

Гостомыслов вздрогнул. Алое платье надвигалось на Ёсика, юное личико улыбалось, а руки были готовы заключить скромнягу в широкие сестринские объятия.

Вскоре брат и сестра удалились, от шумной девушки, казалось, задрожали круглые шары-люстры, что давали свечной, мрачный свет. Оживилась середина урока.

– Куда ты уставился? – спросила Лиза и, взяв за подбородок лицо Ивана Андреевича, повернула его к себе.

– Знакомая девушка. Я ее где-то видел, – снова почти соврал Гостомыслов. Он прекрасно помнил, как провожал ее вчера на автобус. Она его даже таежником обозвала.

– Да нет, Гостомыслов, это юбка и красивые длинные ноги, – вздохнула Лиза, у нее закружилась голова. Она уткнулась затылком в стену, а потом стекла всем телом в руки Ивана Андреевича. Это был обморок.

3

Дождь хлынул неожиданно. Сильный ливень настойчиво бился в кухонное окно и будто бы смеялся над всем этим маленьким и уютным городком, но в особенности над Иваном Андреевичем. Улица опустела мгновенно. Гостомыслов всматривался в прозрачную неприятную пленку на остывшем черном чае. На кухне, занимаясь оладьями, сновала от холодильника к плите Раиса Семеновна-мама Лизы.

– Хорошо, что вы еще были рядом, Иван Андреевич! – по-преподавательски грозя деревянной лопаточкой, сказала Раиса Семеновна – статная, удивительно стройная для шестидесяти лет женщина с аккуратной ракушкой на голове и с янтарными бусами величиной с перепелиное яйцо, обрамляющими морщинистую, обвисшую шею.

– Я всегда ей говорила, что нужно хорошо завтракать, кашей или омлетом, и не сидеть на этой работе до полуночи! А вы? Куда вы смотрите, Иван Андреевич?

Гостомыслов виновато вздохнул.

– Нет, это, конечно, давление! Она забывает пить таблетки. Гипертония к тридцати годам. Это вам не шутки. Это наследственное. Покойный Сергей Валентинович страдал. Вы не знали? Ах, откуда ж? Можно подумать вы говорите о стариковских болячках? Хотя за десять лет уже можно было о многом поговорить? Не правда ли, Ванечка Андреевич? – манерно продолжала причитать Раиса Семеновна, с прищуром вглядываясь в усталое и растерянное лицо Гостомылова. Она намекала ему о чем-то. Хотя, все он понимал. Как говорит Лиза: «живя в полной отрешенности от всего, что происходит вокруг...». Как точно.

Тем временем за окном бушевала страшная гроза. Гроыхало до звона оконной рамы. Раиса Семеновна была из тех женщин, которая не вздрагивала от грома и не скакала по всей квартире, выключая электроприборы, чем нужно сказать, ни разу не поплатилась.

– Раиса Семеновна, а могу я у вас спросить, давно у Лизы обмороки?

Усердно взбивавшая будущие оладьи Раиса Семеновна замерла, и, кажется, даже осунулась.

– В первый раз, Иван Андреевич.

– А у врача она давно была?

– Кардиолог – моя знакомая, она выписала ей таблетки полгода назад, но она перестала их пить...

– А давно перестала? Может, ей надо Саше показаться?

– Ваня, я не знаю! – отчего-то вскипела Раиса Семеновна и вновь взялась за оладьи... – подай, подай мне муку, вон, в чашке!

Иван Андреевич подал большую чашку Раисе Семеновне, не сводя с нее взгляда.

– Благодарю...

– Просто я подумал, а не может ли быть...

– Иван Андреевич, вы, наверное, голубчик, вызовите такси. Лизонька уже не проснется до утра! Полно вам у нас засиживаться, не правда ли? Оладушки, вон, не получают даже. У меня у самой, сердце, знаете ли! Ох, это погода! Погода, да...

– Раиса Семеновна... – Иван Андреевич пристально взглянул в глаза Лизиной мамы и замер в ожидании ответа.

И Раиса Семеновна помялась, переступила с ноги на ногу, прикусила губу и все-таки сдалась:

– Двенадцатая неделя, Иван Андреевич, – зашептала она, – на фоне ее гипертонии постоянные обмороки, слабость, по утрам жутчайшая тошнота, головные боли. Ну, что вы смотрите на меня, как на приведение?

– Но она ничего мне не говорила!

Раиса Семеновна рассмеялась, небрежно роня лопаточку в мучную жижу.

– И что? Что бы изменилось? Вы тут же бросили бы свою абы какую жизнь? И женились? И устроились водителем трамвая, к примеру? Стали бы добропорядочным семьянином, да? Я умоляю вас, до-ро-гу-ша! А для нашей интеллигентной, профессорской семьи это какого, а? – продолжала причитать Раиса Семеновна полупшепотом, – а это ее здоровье?! Боже мой! Пришлось перейти на более дорогие мягкие препараты, а толку! Еще и от вас никакой поддержки!

– Да я, я.. – и Иван Андреевич выдохнул. Пришло время сдаваться ему. Раиса Семеновна смотрела прямо в глаза, и бусы на ее груди вздымались и опускались, иногда подрагивали.

– Откройте окно, мне душно! – вдруг произнесла она и продолжила свои кухарские дела.

В крохотную кухню ворвался ветер с каплями дождя. Холодная вода отрезвила Гостомыслова, и он отяжеленный последним разговором, устало повалился на стул.

4

Часы чеканили мягкой круговой походкой, без усталости, без заминки. На книжной полке сгрудились томики стихов, перемешанные с учебниками по химии. Здесь, на полке, они как-то умудрялись дружить и даже гармонировать цветом. Еще стену украшало парю этюдов – мелких, но уютных. На одном была изображена хвойная роща, и еловые лапы были так четко и выпукло вырисованы, будто вот-вот иголки вывалятся в комнату. На втором – зимний пейзаж все той же рощи – мягкий, спокойный, навевающий одиночество и светлую грусть. Над комнатой висел огромный зеленый абажур – как своеобразное угрюмое солнце. А на широком подоконнике, за занавеской сидело двое. Они уткнулись в оконное стекло глазами, восседая в позе лотоса.

А гроза и вправду в тот день была на широкую душу. Ливень лил долгий: то уменьшался, то увеличивался, все дрожало. Редкие прохожие шли, вцепившись в зонты, и не смотрели по сторонам. А если громыхал гром, то на этот небесный зов отзывались кроны деревьев шипящим полупшепотом. Молодая пара задумчиво смотрела на эту суматоху, оба молчали и внимательно следили за стекающими по стеклу ручьями. В их одинаковых глазах пряталась мудрость и чистота. Такими глазами люди смотрят на чудеса природы или на языки пламени. У них кипит чайник, но Ёсик забыл надеть на его носик свисток, и про чай все забыли. Сколько продолжалась эта удивительная немая сцена неизвестно, но вскоре девушка, свесив с подоконника ноги, нарушила молчание:

– Хорошо было бы потом прогуляться после дождя?

– Да, – ответил парень, и тяжело вздохнул.

– Ну, Ёся! Ну было бы из-за чего расстраиваться? Скоро придет дедушкин перевод, и мне немного заплатит Роман Алексеевич.

– Не нравится мне этот твой Роман Алексеевич, – недовольно пробурчал Ёся, поправив съехавшие на кончик носа очки.

– Ну и зря! Это очень добрый мужчина и всегда доволен моей работой.

– Ты – танцовщица, ты должна танцевать, а не драить полы всяким Романам Алексеевичам!

– Ёсик, ну, где я, по-твоему, должна танцевать? Да и дедушка танцы не очень одобряет.

– Неправда, он просто вредничает. Ты же понимаешь.

Снова замолчали. Ливень, словно прислушиваясь, тоже утих. Брат был очень взволнован и хотел еще что-то сказать, но не решался. Девушка посмотрела на него искоса и, кажется, догадывалась о предмете его внутренних переживаний, поэтому, соскочив с подоконника, она по-кошачьи прильнула к нему и положила голову на узкое мужское плечо.

– Вчера вечером я задержалась из-за Вики...

– Из-за какой Вики? – буркнул Иосиф.

– Из-за дочки Романа Алексеевича, она схлопотала двойку по химии, и я...

– Лия! – развел руками брат, в его голосе она уловила гневные нотки.

– Звони мне, Бога ради! И насчет химии! Для этого у тебя тоже есть я.

Лия отстранилась. Выдохнула, а потом ее осенила потрясающая мысль. В черных глазах зажглись яркие огонечки, красивые губы растянулись в улыбке.

– Я спрошу у Романа Алексеевича о том, чтобы нанять Вике репетитора по химии, и у тебя будет заработок! – протараторила она.

– Я к твоему снобу работать не пойду, – буркнул в ответ брат, и, покрасневший и недовольный направился на кухню, – и еще мы спалили чайник! – крикнул он.

Лия слушала его гневные тирады, доносившиеся с кухни. Брат был для нее крепостью и опорой, старше на пятнадцать минут он чувствовал такую ответственность за двойняшку, будто была она его подопечной, почти дочкой. Ёся, а лучше будет сказать учитель-химик Иосиф Вениаминович, оберегал сестру как самую драгоценную жемчужину. Талант Иосифа оказываться в нужный момент в нужном месте в отношении Лии сложно было оспорить. Еся вытянул ее за волосы еще маленькой из пруда, Еся словил ее с падающего велосипеда, оттолкнул, когда на Лию несся сумасшедший мотоциклист. И совсем не в шутку, а даже всерьез Лия называла брата своим ангелом, и когда в ее жизни случалась очередная оказия, она тут же мчалась к своему ангелу, выпрашивая совета или объятий.

Дождь закончился, на улице появились первые любители прогулок на свежем воздухе. И девушка под бурчание старшего брата отчего-то вспомнила вчерашнего таёжника, его нелепый вид, спокойный голос и этот удивительный взгляд. Лия – девушка, она знает, что означает этот взгляд. Она не раз ловила его на себе. Восхищение! Есть ли другое определение? А каким одиноким и усталым он казался, глядя вслед уезжающему трамваю, в который она влетела алой ракетой.

Лия была из тех девушек, у которых следовало бы поучиться легкости и жизнелюбию. Брат иногда считал эти качества задержавшимся в сердце детством и наивностью, однако, перевоспитать Лию не получалось. Она была легка на подъем, не умела унывать, и с легкостью принимала серьезные решения. Последнее ее качество не раз выручало семью. Именно с подачи Лии они с Иосифом оставили дедушку в далеком сибирском городишке и переехали в город побольше, поближе к южной, теплой полосе. С дедушкой, который жил с претензией на ортодоксальный строгий еврейский образ жизни, было трудно, а когда Лия заявила, что ее пригласили петь в церковном хоре, и она согласилась, стало совсем невыносимо. Это был очередной ее легкий шаг, не вызванный каким-то вдруг нахлынувшим религиозным чувством. Ей сказали, что она – отличная сопранка, и этого было достаточно для того, чтобы согласиться. Сопранка долго слушала ругающегося дедушку, болтала нетерпеливо ножкой, сидя перед ним на табурете, а потом, заручившись поддержкой брата, заявила, что она уезжает с Ёсей – начинать новую жизнь. И как ни странно, дед, хмыкнув и упершись руками в бока, в позе неуклюжей сахарницы застыл в коридоре и выпалил:

– Ну и катитесь куда хотите! Взрослые, не пропадете! Дадите деду жизни! Но стану помирать, чтоб примчались, поняли? Не хватало, чтобы эти гои расчистили тут все! – и дед самозабвенно потер пальцем изгибы наследственного семисвечника.

Как оказался дед в Сибири, Лия не знала. Кажется, историей семьи немного интересовался Ёся, но, понимая, что на каждом шагу дед увиливает от честных ответов, бросил это

занятие и смирился с тем, что он якобы наичистейший еврей из колена Рувимова. «Остальное, – говорил дед, вам знать необязательно!».

Воспоминание о бабушке вызвало улыбку. Она распахнула окно, пустило сладковатый сырой воздух в комнату, и уютная, залитая серым пасмурным светом спальня, будто оживила и вдохнула по-новому. Лия потянулась на носочках, выпрямилась струной, и похожая на куколку из музыкальной шкатулки, сделала легкий пируэт. С воздушным «ах», она взлетела над зеленым абажуром люстры и мягко приземлилась. Еся гремел чайными чашками. На душе было светло и радостно.

– Танцевать, – приговаривал он, ты должна танцевать...

5

Что действительно Лиза ценила в Иване Андреевиче, так это то, что он не пил. Это случилось крайне редко, и исключительно в успокоительных целях. И впрочем, не пил он только по одной причине, он ненавидел утро после попойки. Никакую мнимую радость от вина он не мог себе позволить только из-за жуткой расплаты. Выпьет он бокал, или выпьет бутылку – наутро он будет подавлен, разбит с чувством тошноты, с отеком старческим лицом. Но что еще хуже – он будет судорожно вдыхать воздух на балконе, понимая, что теперь вся жизнь со вчерашними проблемами стала еще более мрачной и безысходной. В квартире будет царить хаос, в раковине будет отмывать кастрюля с мерзко разбухшими кусками теста от пельменей, а по всей квартире, как черные недвижимые жучки будет рассыпана шелуха от семечек. Одним словом, кошмар... Кошмар! Открыв глаза в это злосчастное утро, он столкнулся с ним лицом к лицу. От вчерашнего Ивана Андреевича не осталось и следа – где же эта щеголеватость, стройность, радость, где тот мужчина с флоксами? Здравствуй, кастрюля в раковине, здравствуйте, семечки, и эта беспросветная жизнь с ворохом сложностей.

Иван Андреевич лежал на спине, разглядывая белый потолок. Думать не хотелось, от мыслей начинала болеть голова. За окном была тишина, светило солнце. Гостомыслов так бы и пролежал весь день, но туманную тишь квартиры нарушил телефонный звонок. Укутавшись в простыню, Иван Андреевич вышел в коридор, и взял трубку.

– Гостомыслов? – прозвучал громкий женский голос гротескной Натальи.

– Не может быть! – сказал в ответ Иван Андреевич и посмотрел на себя в зеркало, но тут же отвернулся. Больно жалким он показался себе в эту минуту.

– Дело такое, Иван Андреевич, один мой хороший знакомый открыл газету, знаешь, необычный человек – необычный формат. Что-то вроде иронической оппозиции, хочет возобновить фельетоны, очерки, ну, понимаешь!? Так вот, Гостомыслов, ему нужен толковый выпускающий редактор, но с немного взъерошенными мозгами, понимаешь, да?

– Угу... – уныло пробурчал Иван Андреевич, невольно считая, сколько раз Наталья сказала слово: «понимаешь». Раньше за ней такого не водилось.

– Я посоветовала ему тебя!

– Откуда такая забота, Наташенька? – спросил Иван Андреевич, пытаясь схватить большим пальцем ноги шелуху от семечки.

– Ой, Ваня, по старой дружбе.

Причем слово «дружба» она сказала так, будто это было вовсе не «дружба», а какая-то шалость или засекреченное постыдное словцо.

– Спасибо, спасибо, моя дорогая! Куда топтать?

– В понедельник, в девять на Бульварную, где раньше был пункт выдачи посылок.

– Понял...

– Чао-какао, Гостомыслов. Я за тебя поручилась, не подведи меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.